

Людмила Лазарева – писатель-фантаст, член Союза писателей Казахстана, главный редактор альманаха «Литературная Алма-Ата». Родилась и живёт в Алматы. Бизнес-тренер в сфере налогообложения в среде малого и среднего бизнеса. Инженер-экономист. Поэт, прозаик. Лауреат международных литературных конкурсов. Издано 8 книг. Предпочитает писать прозу в жанрах: литература для детей, научная фантастика и приключения, фэнтези, хоррор.

Людмила ЛАЗАРЕВА МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ – РАЗ

Море умеет дарить подарки, порой самые неожиданные: то смешает с песком и камнями редкостную по размеру ракушку, то набьет водорослями сети, порадует благодатью теплых дней, или вынесет штормом на берег чужую лодку. В любом случае, кто живет у моря – морем и живет.

Еще до прибытия в порт Сашка отпросился в увольнительную на несколько часов. Оказаться в Сочи и не повидаться с родными? Он бежал домой вдоль берега и представлял, как зайдет, не постучав, и бабушка разведет от неожиданности руками, обнимет его, поцелует в макушку... Нет, в макушку уже не дотянется, пусть так, пусть просто обнимет, поцелует.

На звук обернется мама, вытрет рукой скупую слезу, посадит за стол и будет долго-долго смотреть на повзрослевшего сына. А он вздохнет и скажет, что пора, что он прибежал на минуточку и скоро выходить на задание, ждать его никто не будет.

Резкие, стрекочущие звуки со стороны моря насторожили. Выброшенный ночным штормом дельфин лежал на берегу и просил о помощи. Не думая больше о доме, парень спустился по осыпи вниз. Настоящая красавица, афалина черноморская, еще раз пискнула и затихла, закрыв глаза. К счастью, это была малышка, килограммов на пятьдесят – взять на руки и отпустить в мелководье взрослое животное семнадцатилетний исхудавший Сашка один бы не смог.

По рассказам отца он знал, что дельфины не бросают своих в беде, на призыв обязательно вернется вся стая. Вернется и выбросится следом, пытаясь помочь, и обязательно погибнет на пустынном берегу. Поэтому Сашка торопился: сорвал тельняшку, ополоснул в воде, обернул в мокрую ткань дельфина, понес к морю, обнял афалину, как младенца, и, покачивая из стороны в сторону, стал напевать:

– Море волнуется – раз,
Море волнуется – два,
Море волнуется – три,
Но ты не пугайся, смотри.

Важны были не сами слова, а ритм. Восстановить дыхание, успокоиться – вот что хотел Сашка. Он всегда так делал во время боя, рассчитывая перерыв между пулеметными очередями. На «раз», «два» или «три» нужно было резко выдохнуть и стрелять. А на фразе «море волнуется» – набрать воздуха, оценить

ситуацию, подготовиться к следующему удару. Детская считалка часто помогала в бою сосредоточиться и выбрать оптимальное решение.

– Дай я тебя оботру,
Будешь блеснуть, ту-ру-ру,
Будешь плескаться,
В воде кувыркаться
И уплывешь поутру.

Афалина тыкалась носом-бутылочкой в руку в знак благодарности, нежно попискивая, и Сашка с удивлением отметил, что она подпевает в такт.

– Уже лучше? Ну, тогда не задерживай меня. Погляди, погляди, за тобой эскорт прибыл.

Четыре дельфина выстроились в ряд и пищали так, что заложило уши. Человек стоял по пояс в воде, убежать было поздно, оставалось дожидаться реакции стаи. Он оттолкнул малышку подальше от берега, но животные окружили Сашку со всех сторон. Они терлись о ноги, подставляли спины, переговаривались свистом между собой и не собирались уплывать.

– Вот и ладно, – оторопь прошла, но чувство напряжения осталось.

– Забирайте дитяtko, плывите подальше от берегов наших. Здесь, братцы, война. Здесь голод и кровь. Здесь вас ловят и едят, как обыкновенную рыбу. Давайте, ребятунки, давайте, меня капитан-лейтенант за опоздание по голове не погладит.

Сашка катастрофически опаздывал, о встрече с мамой и бабушкой не было и речи, добраться бы вовремя в порт.

Смешные улыбающиеся мордочки уставились на спасителя, не понимая причину скорого расставания.

– Удачи! Не приближайтесь к берегу во время шторма, – паренек надел мокрую тельняшку, вышел из воды. – А еще лучше, не приближайтесь даже к людям, мало ли что.

Обратно в порт Сашка бежал, не жалея сил. Дельфины немного проводили, выпрыгивая попарно из воды, но как только на пути встретился первый попавшийся боевой корабль, ушли в море.

В порту удалось лишь поймать взглядом силуэт «Морского охотника». Сашка кричал! Нет, не услышат. Сашка подпрыгивал, махал руками, но всё безрезультатно. Слишком далеко. Слишком поздно. Куда теперь идти с повинной головой? Кто будет слушать детский лепет по поводу спасения какого-то дельфина?

Парень сел на крутой валун, горько всхлипнул и закрыл глаза...

* * *

В июне сорок первого беззаботное время закончилось в одночасье. Город-праздник превратился в город-госпиталь. Сочи, как медицинская вата, впитывал в себя переполненные ранеными эшелоны. Вместе с войной оборвалось и Сашкино детство.

Отец ушел на фронт, мама вечно пропадала в операционном эвакуогоспитале, а когда приходила домой – валилась с ног от усталости, засыпая в любое время суток. Бабушка с трудом уговорила внука пойти в школу и закончить восьмой класс. Письма с фронта не приходили, но к Новому году семья получила сразу три: два треугольника от отца и похоронку. С тех самых пор, на правах единственного мужчины, Александр принимал важные решения сам.

Прошел первый год войны: тяжелый, наполненный невосполнимым горем. Сразу после восьмилетки Сашка пошел в военкомат. Ему повезло! Матроса Иванова направили на катер «Морской охотник» пулеметчиком.

И вот теперь, из-за нелепой случайности, всё пошло прахом.

* * *

– Что, опоздал? – хриплый бас отвлек от воспоминаний. – Кх, кх, кх...

– Опоздал. А вы кто?

– Старший мичман Кутько. Кто, откуда, почему опоздал? По форме отвечать. Металл в голосе старшего мичмана заставил встать, расправить плечи:

– Матрос Александр Иванов с «Морского охотника». Я дельфина спасал, его в шторм на берег выбросило.

– Спас?

– Так точно, спас. Мальша забрала стая, я проследил.

– Вот и я прослежу, поднимайся на «Гарпун». Смотрите-ка, по нему трибунал плачет, а он дельфинов спасает. Вольно, – последняя фраза оказалась по-отечески доброй. – Тебя приказано забрать с собой и доставить на базу.

– Есть прибыть на базу.

– Не бойся, свои в беде не оставят.

Уже в море, освоившись, Сашка набрался смелости и подошел к капитану буксира, чтобы поблагодарить.

– Разрешите обрати...

– Запомни, – перебил Кутько, – Александра Иванова с «Морского охотника» ко мне временно командировали, по устной договоренности, чтобы «Гарпун» до базы дошел. Пересечемся с катером на берегу – вернешься на прежнее место службы.

Командир судна был похож на скалу, одетую в тельняшку, и оказался на удивление словоохотливым. Так, Сашка узнал, что в последнем бою «Гарпун» не только привез медикаменты в эвакогоспитали, доставил шестерых раненных, но и отразил атаку противника с воздуха, сбив самолет. При выполнении задания экипаж понес потери – тяжело ранило троих матросов и старшину. Именно поэтому на буксир срочно требовалось пополнение.

– Значит, ваши ребята настоящие герои, столько жизней спасли.

– Значит, так, – усмехнулся Кутько.

– Бесстрашные морские волки, бороздящие...

– Отставить. Не ври ни себе, ни мне. Война – сука жесткая, без реверансов.

– Вы тоже бо... боитесь?

– И я, и ты, и все мы. Бесстрашие – это сила воли, помноженная на уверенность в победе. Герой тот, кто побеждает чувство самосохранения, – командир поднял голову вверх, прислушался. – Летят. К пулемету, матрос.

– Может, это свои? Скоро Туапсе, мы почти на месте. – Сашка очень хотел, чтобы сейчас над его головой пронеслись самолеты с красными звездами и помахали крыльями идущему на базу буксиру в знак приветствия.

– Выполнять приказ, к пулемету! – взревел Кутько. – Бей гадов, бей! Не дадим долететь до порта.

Два вражеских самолета быстро увеличивались в размерах.

– Море волнуется – раз, – первая пулеметная очередь прошла небо. – Море волнуется... Давай, давай, ближе. Дваааа!

Самолет, не выходя из пике, неуклюже дернулся в сторону и с ревом врезался в воду.

– Море волнуется... – Пулеметчик посмотрел вверх. Черные точки отделились от брюха второго вражеского бомбардировщика, низкий гул врезался в барабанные перепонки, наводя ужас. – Три!

Время, как вода, течет по-разному. Порой не замечаешь, как пролетел день, неделя, месяц. Но в самые важные моменты жизни начинаешь ценить даже секунды. И тогда секунды тянутся будто кино с замедленными кадрами. Чужое кино, и ты в нем лишь зритель, не ведающий, чем же всё это закончится.

– На месте, фигура, замри!

Яркая вспышка опалила лицо, волосы, взрывная волна оторвала от палубы и выбросила тело, как тряпичную куклу, за борт.

2

Сашка открыл глаза. Корпус судна раскололся надвое, паровой котел, палубные механизмы медленно опускались всё глубже и глубже.

Ни боли, ни страха, только чувство удивления и полная уверенность, что всё происходящее – сон. Острые, как разбитые стекла, звуки сменились на мерный шум.

Вдруг послышался резкий свист. Гладкий, упругий, как надувной баллон, дельфин подталкивал Сашку вверх. Зачем? Там боль, там кровь, там война. А что здесь? Ти-ши-на, тишина и покой. В тот мир больше не хотелось, но дельфин делал всё, чтобы человек очнулся. Последнее, о чем подумал Сашка: «Вот если бы стать одним из этих афалин и уплыть далеко-далеко», – жгучее желание жить переросло в уверенность, что он, матрос Александр Иванов, сможет надолго задержать дыхание и подняться на поверхность.

В ту же минуту тело налилось удивительной силой. Неужели получится? Обязательно, обязательно получится! А теперь вверх, только вверх. Морское животное всем сердцем прониклось последним желанием матроса и впитало в себя его сознание и душу.

На мелководье Сашка попытался самостоятельно встать, но вместо ног почувствовал, как гибкая лапа, похожая на хвост, разворошила камешки. От новых ощущений голова пошла кругом, незнакомые звуки заполнили сознание. Его окружила стая афалин, тревожно переговаривалась, звала за собой. Он понимал их речь!

Дельфин вытолкнул носом человеческое тело к берегу.

Остатки реальности разбились о скалы в пене прибоя.

Клан дельфинов решил, что сородич, выброшенный ранее на берег штормом, получил сильную душевную травму. Он отказывался покидать опасную зону и уйти далеко в море. Не прошло и дня, как искатель приключений вновь нарвался на неприятность, врезавшись на большой скорости в коловращение обломков после взрыва одного из кораблей. Он даже пытался спасти тяжело раненого человека, оказавшегося в воде, подвергая себя опасности.

Глава клана самок больше не могла позволить сыну делать то, что ему захочется. Тетушки окружили непутевого и заставили уйти подальше от места, где люди не ценили ни свои, ни чужие жизни.

Еще немного, и единственного самца-переростка отлучили бы от материнской заботы. Но что поделать, если после взрыва он вел себя как новорожденный, ничего не ведающий о жизни в море. Необходимо было время, чтобы вновь показать морские течения, объяснить, на какой глубине и расстоянии от берега находится территория спокойствия, научить охотиться. Так у Сашки-дельфина началась новая жизнь, полная открытий.

Раньше Александр считал, что все дельфины похожи друг на друга, определять, кто есть кто, было достаточно сложно, да и ни к чему. Теперь же он понял, что был совершенно не прав. В его новой семье каждая из афалин имела собственный характер, внешность, размер и даже имя. Для удобства Сашка разделил часть основных звуков на ноты – именно из названий нот получились имена.

Маму он звал Ми-ля, самую юркую тетушку Ми-соль, так же его опекали подружки: Ми-фа и Ми-ре. Бывшего матроса Александра Иванова новая семья звала До-до. Самое удивительное, имена при этом походили на свист: резкий, почти мгновенный. Клан Ми-ля часто встречался с другими дельфинами, и До-до узнал, что каждый имеет свой отличительный позывной.

С ноты «до» обычно начинались имена самцов афалин, с ноты «ми» имена самок. Дельфины белобочки называли себя со звука, похожего на «ре» или «ребемоль», а вот азовки, обычно похрюкивая, откликались на «си». Знание человеческой нотной грамоты помогло Сашке в общении только первое время, пока он, как дельфин, не оценил, насколько разнообразен его новый язык, особенно на высоких частотах.

Так же, как и у людей, в клане было принято приветствовать друг друга и прощаться, соперживать, звать на помощь. В разговоре дельфины принимали характерные позы, связанные с эмоциями: жестами гнева или ликования. Афалины свистели, щebetали, похрюкивали, цокали. Здесь знали, что хорошо, а что плохо. Но самое интересное – иерархия и особые правила поведения в клане почти ничем не отличались от морского «табеля о рангах».

Зеркальным было и окружение. Земля поменялась местами с глубинами вод. Соленая вода и белые барашки волн вместо неба с облаками, морское дно и легкая взвесь ила вместо каменистых тропинок и пыльных дорог.

Самым важным во второй жизни оказалось просто жить! Жить и впитывать новые знания, полные невероятных открытий.

Память тела морского животного и человеческая память внутри этого животного волей случая прорастали друг в друга медленно, нарушив при этом размеренный ритм прежней жизни. Дельфин учился смотреть на себя глазами человека, забывая в такие моменты законы моря. А человеческая, израненная войной душа стремилась познать неизведанный для нее подводный мир.

Единственное, что осталось без изменения, так это привычка напевать мелодию детской считалки «Море волнуется – раз». Именно ее он часто насвистывал, когда выпрыгивал на полной скорости в небо, с особым удовольствием врежаясь почти без брызг в воду.

Все мыслящие существа способны на различные эмоции, радость может переходить в раздражение, а любовь в ревность или даже ненависть. А какой азарт можно испытывать от погони за кефалью или охоты за хитрой камбалой, что прячется в песке!

Память тела морского животного и человеческая память внутри этого животного волей случая сплелись в единое целое. Сашка-дельфин всё еще вспоминал то, что было до взрыва, и грустил о прошлой жизни. Он высовывал голову из воды, опускал хвост вниз, зависая на месте. На солнце нежная кожа быстро высыхала и трескалась. Сашка успел заработать несколько шрамов, пока понял – долго грустить вредно.

Мама Ми-ля всячески помогала восстановить прежнее состояние сына и очень переживала, замечая странное поведение До-до. Плавая в глубинах Черного моря, молодого дельфина постоянно тянуло на то место, где люди продолжали убивать друг друга, где взрывались бомбы.

Афалины имели особенный кодекс чести, не позволяющий причинять вред любому человеку, кто бы он ни был. Защищать одних людей и одновременно желать другим смерти? Это было выше их понимания. Жизнь дана для того, чтобы радоваться, любить, продолжать род, воспитывать детей, постараться не навредить окружающему миру.

Но Сашка-дельфин всё равно рвался в неоконченный бой.

Подвергать жизнь клана опасности мудрая Ми-ля больше не могла. Приближалась весна, пора знакомства и любви с новым сильным самцом – время зачатия и рождения нового поколения дельфинов. Решение отпустить До-до, чтобы он наконец повзрослел и набрался опыта выживания, возможно, в других стаях, далось матери нелегко.

В один из дней стая нежно простилась с До-до, оставляя за ним право выбора. Он мог пуститься следом за кланом матери и еще немного пожить под ее

опекой, но не сделал этого. Он мог примкнуть к новому клану самцов-погодок и, возможно, стать их вожаком, но не сделал этого. Почему?

Он мечтал вернуться к родному берегу, помочь друзьям морякам биться против врага. Сашка-дельфин испытывал особенное чувство вины за Сашку-человека, Сашку-воина. Ему казалось, что человек просто сбежал от войны на дно морское, подальше от страха смерти. Теперь он знал, что смерти нет, есть просто другая жизнь.

3

Темно-синяя глубина, искореженные полосы металла, обломки кормы, огромный паровой котел. Сашка без труда узнал буксир «Гарпун», яркой вспышкой в памяти пронеслось: «Бей гадов, бей! Не дадим долететь до порта».

Если бы афалины умели плакать, то До-до бы заплакал. Если бы афалины умели возвращать время вспять, то Сашка бы вернулся на причал и предупредил об опасности. Если бы афалины умели... До-до осенило! Дельфины умеют находить любые предметы под водой, лучше любого эхолокатора. Значит, он сможет предупреждать корабли о глубинных бомбах.

От радости он подпрыгнул свечой вверх, взял как можно больше воздуха, на скорости врезался в волну, совершил круг почета вокруг погибшего «Гарпуна» и ушел искать близкий по духу клан людей, чтобы объявить им о возвращении настоящего морского охотника, моряка Александра Иванова.

* * *

– Смотрите, смотрите, дельфин! – закричал один из морских пехотинцев. – Он явно кого-то высматривает. Иди к нам, дружок!

– Чудак ты, Борода, – хмыкнул боцман, – тебе не разведкой командовать, а рыбам хвосты крутить.

Дельфин застрекотал от радости, еще больше привлекая к себе внимание.

– Он не рыба, а как мы с тобой, молоком вскормлен. Прислушайся, будто поет.

– Балует, красавец, да нас смущает, – вдруг боцман загрузил, голос дрогнул. – Знал я одного паренька, пулеметчика. Он во время боя почти такой же мелодией себя поддерживал. Дай-ка, слова вспомню...

Дельфин вынырнул, вновь запел – зачирикал, улыбаясь и тряся головой, чем очень рассмешил экипаж. Все, кто были свободны, высыпали на палубу полюбоваться.

– Что тут вспоминать, – поддержал кто-то разговор. – На-на-на, на-на-на – раз! На-на-на, на-на-на – два! Море волнуется – три, на месте фигура замри. Только ритм очень быстрый, сразу не разберешь.

– Паренька как зовут? – Борода заинтересовался судьбой пулеметчика. Подбирать достойные кадры для морской пехоты приходилось везде. Не просто так суровый боцман вдруг вспомнил именно этого матроса. А вдруг человек стоящий?

– Погиб он прошлой осенью.

– И всё же.

– Александр Иванов, самая что ни на есть русская фамилия. Его домой отпустили ненадолго, а он опоздал. Мы в тот день на два часа позже вышли, всё ждали. Ушли без него, но попросили буксир принять на борт пацана. В тот же день «Гарпун» авиабомбой и накрыло.

– Ты уверен, что Александр был на том самом буксире?

– Утонули все, кроме старшего мичмана Кутько. Он перед смертью в госпитале всё Санька вспоминал. Требовал пулеметчика к награде представить за сбитый бомбардировщик.

Борода тяжело вздохнул, посмотрел на небо, на спокойную гладь моря. Недалеко от борта плыл дельфин и будто подслушивал разговор. На последней фразе афалина поднялась из воды, радостно зачирикала в знак согласия.

– Говорят, – пробормотал Борода, – у дельфинов удивительный слух, они улавливают даже еле заметные звуки, может быть, он нас сейчас слышит?

– Сказочник ты, Калганов, – буркнул боцман и отмахнулся. – Тебе в команду только бойца из морских глубин не хватает.

– Хорошая идея.

– В чем проблема? Вот он, новобранец. Назови Сашкой, подкармливай рыбкой, привечай. Глядишь, и получится.

– Эй, за бортом, – позвал бородач. – Сашка, Сашка, плыви с нами на базу, я тебя рыбкой угощу.

Это был самый радостный день для До-до! Дельфин намеренно привлек к себе внимание и был вознагражден – на палубе узнали мелодию «Море волнуется – раз». Судьба даровала ему возможность быть там, где он всего нужнее. Без приказа, по воле сердца Сашка-дельфин заступил на службу.

Весть о том, что одиночка-афалина всюду сопровождает «Морской охотник», облетела порт за считанные дни. Бредовое по своей наглости предложение командира разведчиков привлечь к работе под водой дельфина не имела успеха у командования. Сама идея дрессировать морских животных для военных целей была не нова, Калганов об этом знал. Но фантастически интересным проектом в военное время серьезно заниматься было действительно некогда и негде. Именно поэтому стоило попробовать с дельфином, который приплыл сам.

Несколько раз разведчики с успехом работали с ним на глубине. Дельфин находил подводные мины противника быстрее водолазов. Он свечой взлетал в воздух на месте опасности, предупреждая впереди идущее судно.

Каждый день Сашка выходил в дозор, прочесывал морское дно и сторожил территорию морской базы.

В шторм или сильный ветер До-до временно прекращал боевое дежурство – приходилось уплывать далеко в море, чтобы волна не выбросила его еще раз на берег.

Сколько могло продлиться сотрудничество дельфина с людьми, никто не знал. Бойцы часто спорили, почему молодой самец афалины выбрал себе в клан морское братство людей. Спорили и не находили ответа. Кто-то утверждал, что рыбе делать нечего, так она и в войну игрушку себе нашла. Кто-то считал, что животное было приручено человеком прежде и теперь ищет друга. А кому-то больше нравилась легенда о воскресшей душе погибшего Сашки Иванова.

Только Калганов, капитан отряда разведчиков морской пехоты, был уверен, что это не легенда, а самая настоящая правда. В начале войны он, Виктор, поклялся не бриться до тех пор, пока не освободит родину от фашистов. Носить бороду в регулярной армии ему, как ни странно, разрешили. Так почему бы душе погибшего матроса Иванова не продолжить воевать в теле дельфина?

Капитан с удивлением замечал, как Сашка по-мальчишески увлеченно старался помочь минным тральщикам и другим судам. Дельфин разбирался в вооружении, и Борода понимал по телодвижениям афалины, что именно находилось на морском дне или в толще воды. Смущало одно – дельфин был свободен в выборе, приказам не подчинялся, поступал так, как считал нужным. Такого, как собаку, на привязь не посадишь. К тому же морская пехота часто выполняла задания на суше, держать постоянную связь с дельфином не было возможности. И однажды боец-афалина просто не прибыл к месту дислокации.

* * *

В шторм Сашка не мог подойти к прибрежной зоне, он не мог сопровождать суда на боевые задания. Рисковать жизнью просто так, чтобы случайная волна помешала подводной службе, он тоже не мог. Дельфин уходил глубоко в море, наедался рыбы, общался с другими кланами афалин, а однажды даже влюбился, но ему отказали во внимании. Ухаживать долго за возлюбленной было

некогда, примкнуть к клану молодых самцов и развлекаться вместе со всеми, показывая силу и ловкость друг перед другом, было стыдно. Стыдно перед боевыми товарищами, которые ждали его помощи.

В тот день Сашка возвращался на базу: сытый, довольный, полный сил и энергии. Он предвкушал, как встретится с бородатым другом, друг подкинет вверх рыбу, крикнет: «Лови!» Они вместе уйдут в море и будут рядом в горе и в радости – только так подобает жить в настоящем морском братстве.

Навстречу шло незнакомое судно. Дельфин выпрыгнул несколько раз, обогнул корабль, отметив, что на палубе лежат перебинтованные люди. Немецкая речь сначала насторожила, оттолкнула, но красный крест на белом, любопытство и привычка провожать суда в морских походах взяли верх.

Госпиталь с ранеными людьми на борту – мирный груз.

Мама Ми-ля часто повторяла сыночку, что главное для настоящих афалин – с любовью и трепетом относиться к человеку, как к близкому другу, как к своему брату. Их язык слишком медлителен, и они не слышат полного разнообразия звуковых волн. Да, многие из людей не умеют задерживать в воде подолгу дыхание, их сложно понять, они способны причинять собратьям вред, в их сети попадает рыба, и не только... Они могут охотиться просто так, ради удовольствия, а не ради еды. Иногда большие стаи сходят с ума и намеренно убивают членов другой стаи, убивают себе подобных! И всё же люди существа разумные, они любят жизнь! Каждый дельфин знает, человек на глубине существо беспомощное и поэтому требует особого отношения. Близкие по разуму должны помогать друг другу.

До-до решил показать раненым небольшое представление. Он выполнил несколько кувыркков, написал на водной глади дорожку из восьмерок и даже перепрыгнул через нос судна, окатив палубу брызгами. Люди вставали с носилок, махали, хлопали в ладоши, смеялись от восторга, как дети.

До-до торопился на боевой пост и не мог долго «плестись» за кораблем, поэтому вырвался вперед. Заметив кефаль, дельфин врезался в ртутное серебро стаи, поймал крупную рыбину, слотнул по дороге вторую и, резко поменяв направление, зашел снизу за третьей. Вдруг он заметил глубинную мину, оторвавшуюся во время шторма.

Их нужно предупредить! Зачем? Они говорят на чужом языке. Их необходимо предупредить! Они слабые, безоружные. «Запомни, сын, лежачего не бьют», – пронеслось в памяти голосом погибшего отца. Сашка бросился к плавающему госпиталю, стараясь привлечь внимание к месту возможной гибели. Но судно продолжало идти вперед.

Дельфин очерчивал границу опасной зоны хвостом, будто шел по воде, он кричал, шипел, пищал, издавая звуки опасности! В прыжках, похожих на свечи, До-до показывал район нахождения самой мины. Но судно продолжало идти вперед.

Зрители хлопали в ладоши и весело переговаривались друг с другом, выражая восхищение морскому артисту. Кто-то достал губную гармошку, человек в белом халате вынес аккордеон.

Яркое солнце, голубое небо, лазоревая чистая вода настраивали на праздничный лад. Зазвучала музыка, тяжелораненые подпевали лежа, кто мог, ходить приглашали друг друга и танцевали вальс. Они были уверены, морской красавец делится с ними радостью жизни, безграничным чувством свободы.

Сашка испугался: от корабля скоро не останется и следа. Он сделал еще одну свечу, в последний раз прочертил хвостом линию, за которую заходить категорически нельзя.

– Эх, если бы здесь был Борода, он бы всё понял.

Чужое судно продолжало идти вперед.

– «Море волнуется, – засвистел на высокой ноте дельфин, чтобы перебороть страх. – Раз!..»

Сашка точно знал: смерти нет – есть просто другая жизнь.